

Team

[illegible]

И вот Марцеция и Плятт приезжают и идут в Банку для того, чтобы несколько раз сыграть именно эти роли на сцене нашего театра. Марцеция выходит в роли Карташевой, а Плятт — в роли Бабинна, поделенные их на сцене встречается бурей аллюдиристов, но, конечно, это аллюдируют на Карташевой и Бабинну, а Марцеция и Плятт, никто еще не знает, что это такое — Карташе-

за Марецкой и Бабинки. Плята. Потом на протяжении действия эпизодические будут вспыхивать еще не раз, но они уже будут обращены не к Марецкой и Пляту, а к Мартышовой-Марецкой и к Бабинку-Пляту...

Присутствовавшая в этот вечер в зрительном зале нашего театра публика, получившая огромное удовольствие — и таким было, разумеется, из всех газетных рецензий, — и такостроительных спонтанная. Зрители смеялись, хохотали, а порой смеялись, затаив дыхание, — а где-то волнение, что называется поднималось к горлу...

В чем секрет такого воздействия на зрителей? Можно ответить одним словом: талант. Но «талант» — очень емкое слово, требующее канцеляй раз в новой и новой расшифровки применительно к данной художественной «ситуации». В этом случае талант Мрачной и Плятта проявился в том, что они сумели пассивизировать своих

жизни сумели рассказать о своих героях гораздо больше, чем рассказали в песне, о тех словах и молчаливых, магией им даваемых автором. Если вспадина темы героев в песне неглубока и ограничена, небольшим участием — плакатерником, то у Марцели и Пятыха дельежа забирают и глубину, и круче, и границы «пазюного» участка раздвигаются, уходит дальнее и «оризонт», Обд ведут свою оду-единственную тему: Марце-

ная — любви. Плутт — дружба
на «пладаринков» — в одном слу-
чае борьбы за возмещение
своего заблудившегося (то-
бишь, заблудившего) мужа Ви-
нни. В другом — за спасение
целого семейства в другой слу-
чае борьбы за мир и согласие в
семье Карташевских. Но с этих
«пладаринков» непрерывно
исходит взрывные волны чело-
веческих чувств, вызывая в
сердце каждого затаенные
волнения и отставшие озвони-
ваемые раздумья о «тайных»,
неумолкающих связях судеб лю-
ди, товарищества с аринствен-
ной и моральной, но большой

[illegible]

Их пристрастие к яркости художественных образов?

В поэту-то, в той необъятной целустративности, аэлопоэтичности и духозно наполненной борьбе, которую ведет Иеронимус-Марецкая за полное горниство своей любви и счастья, и своего понимания любви и счастья, этой ясно адептической, что в этой борьбе и данности, и эволюции, и Марташи, выступил бы элемент соотнощения по сцене и экрану — индустрии-борцы, советские патриоты, коммунисты по духу и призванию...

[illegible]

артистом. Но в этом же и «сердце» умнейшей и обаятельной комедиантки образа. Я вас очень люблю, как бы говорит Важин своим друзьям, и я скорее умру, чем допущу, чтобы вы ваша семья распалась. Но ей богу же, есть заботы поменьше, и непохожи мне и вам, не отбываясь, так сказать, заниматься этим главным делом нашей жизни...

Как и Марсиза, Плят — мастер «второго плана», который дает нам полноту ощущения образа героя, как неразрывной части живой и всеобъемлющей нашей действительности, в которой все за нами, и каждый за всех. Отсюда и тот умный, глубокий — серьез, каким насущная блестящая юмористическая «стихия» игры Плята.

медийная «стихия» игры, плетящей
и это же самое — «второй
план» — дает ключ и понима-
ний того, какой волшебной
силой, казалось бы, в самых
комедийных ситуациях. Ма-
гическая поднимается до высот
подлинного драматизма.

Правда, есть тут и кое-какая «опасность» — отрыва этой «высоты» от реальной почвы, которая ее порождает, что дает некоторое излишнее, не в полной мере оправданное «предлагаемым обстоятельством» сгущение «драматическим краски».

не раз рецензировался в печати. Все же не могу не порадоваться тому, что он был воплощен ансамблем. С большим подъемом и, я бы сказал, идеями свежо, по-новому, играли в этом необычном, поистине праздничном спектакле И. Шапхорья — Феофилакта Понтиянова, А. Степанова (Карташев), Д. Турмарина (Нина), А. Охлопков (Геннадий).

На лучше предоставил слово нашим месенинским гостям.

— Нам по-настоящему трудно внимательно, дружески относиться к нам бакинских артистов, что помогло нам быстро войти в спектакль, — сказал Ростислав Янович Палют. — Это я говорю не только от своего имени, но и от имени Бакинского театра.

ры Патриции Мизерной. Мне кажется, что комедийная атмосфера пьесы верно была понята режиссером и актерами. Не хотелось чего-нибудь выдать парсонским, ибо вся пьеса представляет собой целостный, сыгранный ансамбль, достаточно хорошо ощущающий природу комедии.

Что же связать в заключение? Веру на себя смелость взять всего коллектива театра, а может быть, и от всех ванных театралов, полагать, что это был не эпизод, а начало нашего большого творческого сотрудничества с мастерами советского искусства.

Валентин БОГУСЛАВСКИЙ.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ СПЕКТАКЛЬ «МИЛЛИОН ЗА УЛЫБКУ». О. Ф. НАВ-
ТАШЕВА — В. П. МАРЦКАЯ, Ф. П. ПОДУШКИНА — М. О. ШАМ-
ХОЯН.

Фото С. Кулишова. Фотохроника АзТАЭ.